Дж. Б. Бьюри,
проф. Кэмбриджскаго Университета.

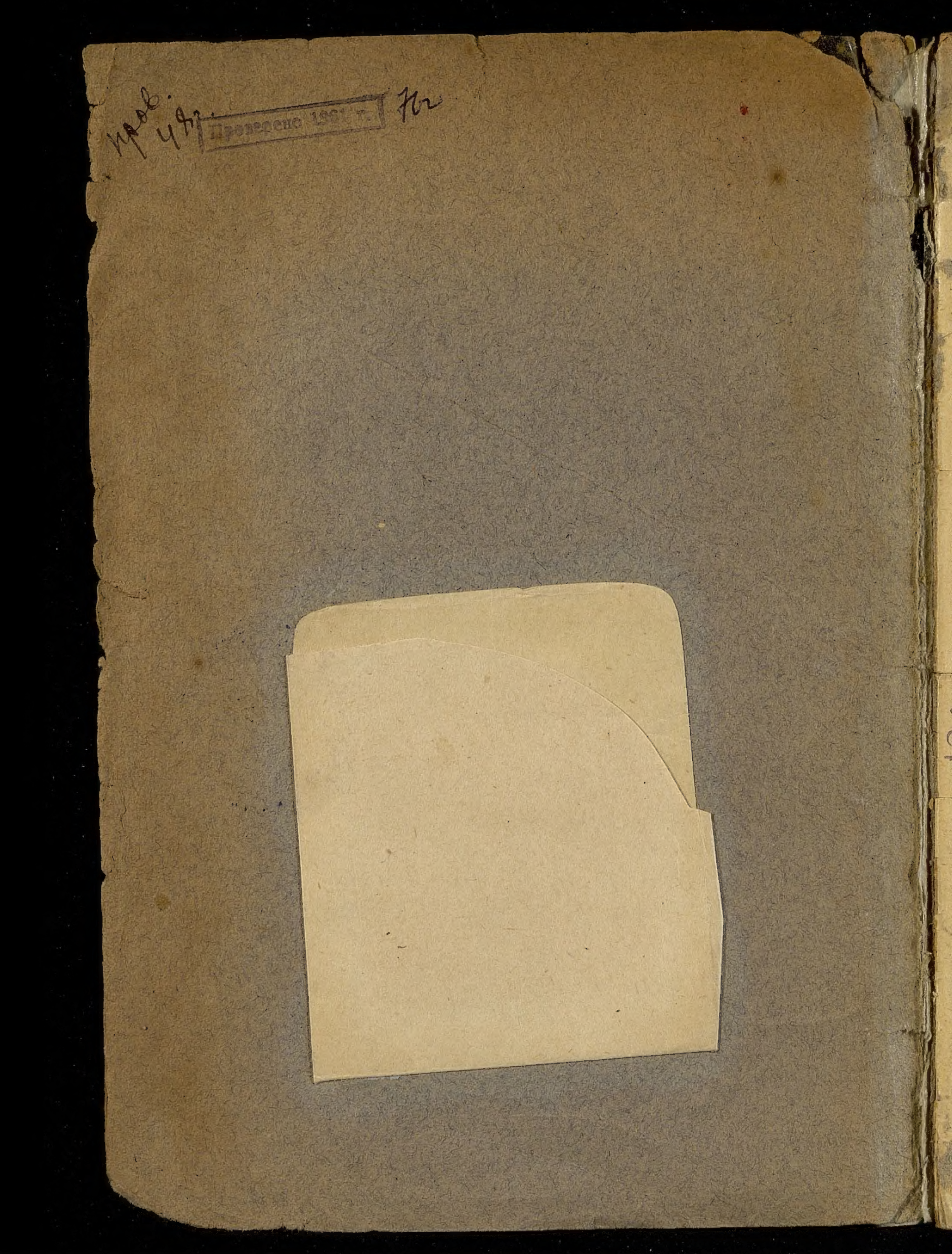
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Историко-юридическій этюдъ.

The Constitution of the later Roman Empire (Creighton Memorial Lecture delivered at University College, London 12 November 190[illegible]).

Переводъ
А. К. Елачича,
подъ редакціей
В. Н. Бенешевича,
проф. СПБ. Университета.

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Истор.-Филол. факультетѣ СПБ. Университета.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Проверено

Дж. Б. Бьюри,
проф. Кэмбриджскаго Университета.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ
ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Историко-юридическій этюдъ.

The Constitution of the later Roman Empire (Creighton Memorial Lecture delivered at University College, London 12 November 1909).

Переводъ
А. К. Елачича,
подъ редакціей
В. Н. Бенешевича,
проф. СПБ. Университета.

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Истор.-Филол. факультетѣ СПБ. Университета.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Отдѣльный оттискъ изъ книги: „Очерки по исторіи Византіи подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Н. Бенешевича“, в. II (стр. 3—25). СПБ. 1912.

Типографія В Безобразовъ и Ко. В. О., Большой просп., 61

Абсолютная и конституціонная монархія.

Тѣ формы правленія, которыя обычно причисляются къ абсолютнымъ монархіямъ, не привлекли того вниманія и не были такъ тщательно изучены, какъ тѣ формы государственнаго строя, которыя извѣстны подъ именемъ республики и конституціонной монархіи. Существуетъ обширная литература объ абсолютной монархіи, разсматриваемой съ теоретической точки зрѣнія въ связи съ вопросомъ о божественномъ происхожденіи власти; но образцы государствъ подобнаго рода, которые даетъ исторія, не являлись предметомъ подробнаго сравнительнаго изученія. Монтескье, напримѣръ, разсматриваетъ ихъ, безразлично, какъ деспотіи. Вѣроятно, причина этого коренится въ кажущейся простотѣ того устройства, при которомъ верховная власть цѣликомъ принадлежитъ одному человѣку: когда мы говоримъ, что воля монарха—верховная воля, то можетъ казаться, что этимъ сказано все. Византійская имперія—примѣръ абсолютной монархіи, и я надѣюсь показать, что поскольку рѣчь идетъ о ней, слѣдуетъ сказать еще многое другое.

Терминъ „абсолютная монархія" употребляется для отличія ея отъ ограниченной или конституціонной монархіи. Подъ абсолютной же монархіей я понимаю такую, въ которой вся законодательная, судебная и исполнительная власть въ государствѣ принадлежитъ монарху, и не существуетъ другой независимой и конкуррирующей власти [1]. Ограниченная монархія это такая, въ которой, наряду съ такъ называемымъ монархомъ, существуютъ другіе политическіе органы, которые обладаютъ собственной независимой и дѣйствительной властью и участвуютъ въ верховной власти. Термины абсолютная и конституціонная монархія неудовлетворительны съ логической точки зрѣнія, ибо они соединяютъ въ одну группу, какъ

---

[1]) Это опредѣленіе отличается нѣсколько отъ того, которое даетъ *Сиджвикъ* въ своемъ Development of European polity, стр. 10: „называя его (абсолютнаго монарха) «абсолютнымъ», хотятъ сказать, что не существуетъ никакой установленной конституціонной власти, никакой человѣческой власти, которой его подданные обычно повиновались бы такъ же, какъ и ему, и которая могла бы законно оказывать ему сопротивленіе и требовать у него отчета".

подраздѣленія класса „монархія", обѣ эти формы государственнаго устройства, внушая ту мысль, будто онѣ имѣютъ больше точекъ реальнаго соприкосновенія другъ съ другомъ, чѣмъ съ какой-либо другой формой правленія. Это, очевидно, не вѣрно: конституціонная монархія стоитъ гораздо ближе къ республикѣ, вродѣ Франціи, чѣмъ къ абсолютной монархіи, вродѣ Россіи. Англійское государство, напримѣръ, въ которомъ законодательная власть осуществляется черезъ согласіе независимыхъ органовъ—короны, лордовъ и общинъ, можетъ быть опредѣлена гораздо правильнѣе какъ тріархія, чѣмъ монархія; и кажется очень неудачнымъ то, что слово „монархія" безъ всякой нужды стали употреблять, какъ синонимъ королевской власти. „Ограниченная монархія", уже давно сказалъ Аустинъ [1]), „не есть монархія". Монархія въ строгомъ смыслѣ слова—одна лишь абсолютная монархія.

Автократія.

Мы имѣемъ, однако, для выбора еще терминъ „автократія", который не содержитъ въ себѣ никакихъ двусмысленностей, который и можетъ, смѣю думать, быть съ выгодой для дѣла принятъ, какъ техническій терминъ для обозначенія этой формы правленія въ разсужденіяхъ о государственномъ строѣ. Терминъ „автократія" имѣетъ еще особое преимущество передъ терминомъ „абсолютная монархія": автократіи не всѣ одинаковы въ проявленіи власти, дѣйствительно осуществляемой автократоромъ. Хотя и не ограниченный какимъ-либо органомъ, обладающимъ независимой властью, автократоръ можетъ быть на дѣлѣ ограниченъ инымъ путемъ. Теперь мы можемъ, точно выражаясь, говорить о болѣе или менѣе ограниченныхъ автократіяхъ, между тѣмъ, какъ безусловно не точно говорить о болѣе или менѣе абсолютныхъ монархіяхъ, потому что самое слово „абсолютный" не допускаетъ различія по степенямъ.

Римская имперія въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій.

Съ самаго начала и въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій своего существованія Римская имперія была теоретически республикой. Сенатъ существовалъ наряду съ императоромъ, какъ органъ, облеченный властью, независимой отъ императорской; но тѣ функціи, которыя онъ осуществлялъ въ силу этой власти, отпадали одна за другой. Онъ становился все болѣе и болѣе зависимымъ отъ императора, и въ концѣ третьяго столѣтія фикція второй власти въ государствѣ исчезла сразу, хотя сенатъ и не былъ упраздненъ [2]). Съ этого времени при существованіи системы, установленной Діоклитіаномъ и Константиномъ вплоть до паденія имперіи въ XV вѣкѣ, форма правленія была всецѣло и откровенно автократична.

---

[1]) Lectures on Jurisprudence I, 241 (изд. 1885).

[2]) Римскій сенатъ тѣмъ не менѣе, кажется, сохранилъ нѣкоторый номинальный суверенитетъ; ибо во время режима Теодориха, онъ имѣлъ власть, подобно императору constituere leges (право, котораго Теодорихъ не имѣлъ) ср. Кассіодоръ Variae 6, 4, § 1, 2 (стр. 177 ed. *Mommsen*).

Порядокъ занятія престола.

Существенное различіе, однако, можетъ быть найдено между автократіями въ порядкѣ занятія престола. Верховная власть можетъ быть наслѣдственной или выборной. Если автократія выборная, то верховная власть исходитъ отъ избирателей, которые, когда престолъ становится вакантнымъ, осуществляютъ независимую и верховную власть при избраніи новаго монарха. Если она наслѣдственна, если право автократора зависитъ всецѣло и неотъемлемо отъ его рожденія, тогда мы можемъ сказать, что его верховная власть ни отъ кого не исходитъ: наслѣдованіе престола автоматично, и нѣтъ такого мгновенія, когда какое-либо другое лицо или лица, кромѣ монарха, могутъ существить актъ верховной власти, подобный тому, какой заключается въ избраніи государя. Это различіе можетъ повести, какъ мы увидимъ, къ важнымъ послѣдствіямъ.

Выборное начало въ Римской имперіи.

Въ Римской имперіи императорская власть продолжала оставаться выборной, подобно тому, какъ это было съ самаго начала, и самый способъ избранія оставался одинъ и тотъ же. Когда престолъ становился вакантнымъ, новый императоръ избирался сенатомъ и арміей. Иниціативу могли брать на себя, какъ сенатъ, такъ и армія, и оба порядка признавались равно дѣйствительными. Конечно, только часть арміи дѣйствительно избирала императора; напримѣръ, если выборы происходили въ Константинополѣ, то избирали гвардейскіе полки. Но эта часть арміи разсматривалась въ такомъ случаѣ, какъ представительница всѣхъ войскъ, разбросанныхъ по имперіи. Назначеніе императора, не принимало, по формѣ, характера того дѣйствія, которое обыкновенно мы понимаемъ, какъ выборы. Если солдаты брали на себя иниціативу, они просто провозглашали того человѣка, котораго они хотѣли. Если выборы производились сенатомъ,-порядокъ выборовъ могъ отличаться большей обдуманностью. Но кажется, что не было формальнаго подсчета голосовъ, и существеннымъ актомъ было провозглашеніе [1]): было достаточно, чтобы одинъ изъ этихъ органовъ провозгласилъ императора, чтобы тѣмъ самымъ установилось его право на власть; другому органу оставалось только согласиться, и инаугурація была формально завершена, когда населеніе Константинополя также привѣтствовало новаго императора на ипподромѣ—формальность, всегда соблюдаемая и напоминавшая о томъ, что жители новой столицы Константинополя наслѣдовали права древняго populus Romanus [2]).

---

[1]) Ἀναγόρευσις (proclamatio). Это техническій терминъ, обозначавшій всю процедуру инаугураціи.

[2]) Въ древнѣйшей Римской имперіи римскій народъ взялъ на себя иниціативу въ провозглашеніи Пертинакса, принудивши къ этому и преторіанцевъ; но, несомнѣнно, провозглашеніе послѣдними передало Пертинаксу власть (imperium). Въ Византійской имперіи мы находимъ, что часть константинопольскаго народа беретъ на себя иниціативу въ провозглашеніи племянниковъ Анастасія, во время бунта Ника противъ Юстиніана.

Значеніе сената Новаго Рима.

Та роль, которую сенатъ игралъ при назначеніи императора, либо его избраніемъ, либо утвержденіемъ выборовъ арміи, имѣетъ важное значеніе съ точки зрѣнія государственнаго строя. Сенатъ или синклитъ Новаго Рима былъ органомъ, очень отличнымъ отъ стараго римскаго сената. Это былъ небольшой совѣтъ, состоявшій изъ лицъ, принадлежавшихъ къ нему въ силу административныхъ должностей, на которыя они назначались императоромъ. Въ дѣйствительности, старый сенатъ слился съ консисторіей, или императорскимъ совѣтомъ, и поэтому новый сенатъ имѣлъ двойственный характеръ. Пока имѣлся на лицо царствующій императоръ, сенатъ дѣйствовалъ, какъ консисторія или совѣщательный органъ при государѣ. Въ промежуткѣ же между двумя царствованіями онъ осуществлялъ независимую власть, ставшую временно выморочной, и отправлялъ функціи, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ стараго сената.

Низложеніе императора.

Но не только въ то время, когда престолъ былъ вакантнымъ, сенатъ отправлялъ эти функціи. Право избранія могло быть осуществляемо сенатомъ и арміей во всякое время. Было принципомъ государственнаго права въ древнѣйшій періодъ имперіи, что народъ, который сдѣлалъ императора, можетъ также его низложить, и этотъ принципъ продолжалъ оставаться въ силѣ и при существованіи автократіи. Не существовало формальнаго порядка низложенія государя, но члены общества, если его управленіе болѣе ихъ не удовлетворяло провозгласивъ новаго императора, имѣли возможность свергнуть прежняго съ престола, и если кто-либо, провозглашенный такимъ образомъ, находилъ достаточную поддержку въ арміи, сенатѣ и народѣ, то старый императоръ бывалъ вынужденъ покинуть престолъ, удалившись въ монастырь съ утратой зрѣнія или безъ нея, или даже лишившись жизни, сообразно обстоятельствамъ или темпераменту своего замѣстителя. Между тѣмъ, въ новомъ императорѣ видѣли законнаго монарха съ того дня, въ который онъ былъ провозглашенъ; провозглашеніе разсматривалось, какъ законное выраженіе общей воли. Если у него не было достаточнаго числа приверженцевъ, чтобы сдѣлать провозглашеніе дѣйствительнымъ, и если его устраняли, то съ нимъ поступали, какъ съ бунтовщикомъ; но во время борьбы и до катастрофы тотъ фактъ, что часть арміи провозгласила его, предположительно давалъ ему конституціонный status, который могъ быть укрѣпленъ или аннулированъ исходомъ борьбы. Низложеніе императора всегда было въ сущности революціей. Мы привыкли разсматривать революцію, какъ нѣчто по существу своему неконституціонное, какъ обращеніе отъ права къ силѣ; но въ Римской имперіи оно не было актомъ антиконституціоннымъ: формой правленія была тамъ, по выраженію Моммсена, „автократія, смягченная законнымъ правомъ революціи“.

Такимъ образомъ, верховная власть римскаго автократора была делегирована ему обществомъ, представленнымъ сенатомъ, арміей и, можемъ мы прибавить, константинопольскимъ населеніемъ [1]). Символомъ передаваемой такимъ образомъ власти была діадема, окончательно введенная въ употребленіе Константиномъ. Императоръ носилъ и другія инсигніи, какъ-то: пурпурную мантію и красные сапоги; но діадема была по преимуществу символомъ и выраженіемъ автократіи. Одно лишь одѣяніе указывало на достоинство императора или главнокомандующаго арміи, и никакія формальности не были связаны съ его возложеніемъ. Иначе обстояло дѣло съ короной, которая въ персидскомъ царствѣ, откуда она была заимствована, возлагалась на голову царя первосвященникомъ религіи маговъ. Въ теоріи, императорская корона должна была быть возложена представителемъ тѣхъ, которые передавали верховную власть, ею символически обозначаемую. И въ четвертомъ вѣкѣ мы видимъ префекта Саллюстія Секунда коронующимъ Валентиніана I, въ избраніи котораго онъ принялъ наиболѣе значительное участіе. Но императоры чувствовали, кажется, нѣкоторое смущеніе, получая такимъ образомъ діадему изъ рукъ подданнаго; и дарованіе какому-либо магнату высокаго права передавать символъ верховной власти могло служить причиной вражды и зависти. Однако, какая-либо формальность признавалась необходимой. Въ V вѣкѣ затрудненіе были обойдено остроумнымъ и тактичнымъ способомъ: обязанность короновать императора была возложена на патріарха Константинопольскаго. Отправляя эту обязанность, патріархъ не возбуждалъ зависти въ свѣтскихъ магнатахъ, ибо онъ не могъ быть ихъ соперникомъ, а его церковное положеніе освобождало императора отъ непріятности получать діадему отъ подданнаго. Очень вѣроятно, хотя и не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, предположеніе, что этотъ выходъ былъ найденъ при коронаціи Маркіана въ 450 году, но кажется несомнѣннымъ, что его преемникъ Левъ I былъ коронованъ патріархомъ въ 457 г. Съ тѣхъ поръ это вошло въ обычай. Въ XIII в. мы видимъ, что Ѳедоръ II откладывалъ свою коронацію до тѣхъ поръ, пока патріаршій престолъ, случайно оказавшійся вакантнымъ, не былъ занятъ. Хотя это было правильной и желательной формой коронаціи, однако эту форму никогда не разсматривали, какъ небходимую для законнаго вступленія автократора во власть. Послѣдній изъ восточноримскихъ императоровъ—Константинъ XI Палеологъ—не былъ коронованъ патріархомъ: его короновало свѣтское лицо [2]). Многозначи-

Инсигніи императора.

Коронація.

[1]) Ср., напр., у Льва Діакона, II, 12, гдѣ Полієвктъ говоритъ, что сыновья Романа II были провозглашены императорами „нами (сенатомъ) и всѣмъ народомъ“.

[2]) Никифоръ Вріенній, который былъ провозглашенъ императо-

теленъ тотъ фактъ, что коронованіе патріархомъ, хотя оно и было вошедшимъ въ жизнь обычаемъ, не было необходимо съ конституціонной точки зрѣнія, ибо она не обозначаетъ того, что патріархъ, совершая церемонію, представляетъ церковь. Возможно, что мысль передать патріарху обязанность коронаціи была внушена коронаціями персидскихъ царей, которыя совершались главою маговъ, но значеніе тѣхъ и другихъ коронацій было неодинаково: глава маговъ дѣйствовалъ, какъ представитель персидской религіи, патріархъ же, какъ представитель государства [1]). Дѣйствительно, если бы онъ представлялъ церковь, то ясно, что безъ его участія никогда нельзя было бы обойтись. Другими словами, никакая новая конституціонная теорія или конституціонное требованіе не были введены установленіемъ привилегіи патріарха короновать императоровъ: она не имѣла того значенія, будто согласіе церкви было формально необходимо для вступленія государя на престолъ.

Назначеніе императоромъ преемника.

Я постараюсь уяснить эту сторону дѣла въ связи съ другой существенной чертой государственнаго устройства, къ которой мы сейчасъ подойдемъ. Если вы просмотрите списокъ императоровъ, вы найдете, что только меньшинство ихъ были дѣйствительно выбраны тѣми путями, какіе я описалъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда императоръ умиралъ, престолъ не становился вакантнымъ, ибо большею частью при императорѣ былъ младшій коллега, который былъ уже облеченъ императорскимъ достоинствомъ, такъ что ни въ какихъ новыхъ выборахъ не было нужды. Порядокъ [2]), въ силу котораго царствующій императоръ могъ назначить своего преемника, видоизмѣнялъ избирательный принципъ. Императоръ имѣлъ обыкновеніе назначать наслѣдникомъ престола своего сына, если у него былъ таковой; такимъ образомъ, сынъ часто наслѣдовалъ отцу и исторія Римской имперіи знаетъ цѣлый рядъ наслѣдственныхъ династій. Конституція имперіи такимъ образомъ соединяла избирательный и наслѣдственный принципъ; найденъ былъ способъ использовать преимущество наслѣдственной передачи власти и

ромъ въ царствованіе Михаила VII (XI в.) и былъ устраненъ, самъ возложилъ на себя діадему. См. Анна Комнина „Алексіада" I, 4,

[1]) Это выяснилъ *W. Sickel* въ своей важной статьѣ Das byzantinische Krönungsrecht bis zum X Jahrhundert, въ Byzantinische Zeitschrift (1898), VII, стр. 511 и сл.; ему я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать мою признательность. О деталяхъ коронаціонныхъ церемоній см. статью *Брайтмана* (*Brightman*) Journal of Theological Studies (1901). II, стр. 359 и сл.

[2]) Онъ былъ введенъ Августомъ въ формѣ соправительства; обстоятельное обсужденіе вопроса см. у *Моммсена* Staatsrecht II, стр. 1145 и сл. (изд. 3-е).

Въ порядкахъ эллинистическихъ государствъ (Македонія, Сирія и Египетъ) находимъ матеріалъ для поучительныхъ сравненій относительно комбинаціи избирательнаго и династическаго принциповъ, а также системы соправительствъ.

устранить ея неудобства, сохранивъ избирательный принципъ. Главное преимущество наслѣдственной монархіи состоитъ въ томъ, что она избавляетъ отъ опасности дворцовыхъ смутъ и гражданской войны, которыя легко могутъ возникнуть, если престолъ замѣщается по выборамъ и являются два соперничающихъ кандидата. Ея главный недостатокъ въ томъ, что верховная власть можетъ иногда неизбѣжно перейти къ слабому и неспособному правителю. Результатомъ соединенія двухъ принциповъ—династическаго и избирательнаго—было то, что бывало гораздо меньше неспособныхъ государей, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы династическое наслѣдованіе было исключительно: и бывало меньше столкновеній за власть, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждая смѣна правителя сопровождалась непремѣнно выборами. Было бы интересно прослѣдить—если бы у насъ былъ для этого матеріалъ—какъ жители имперіи все болѣе и болѣе привязывались къ идеѣ легитимности, т. е. къ той идеѣ, что дѣти императора имѣютъ конституціонное право на верховную власть. Мы все-таки можемъ видѣть, что это чувство сильно выросло во время долгаго правленія Македонской династіи; этотъ фактъ можетъ быть иллюстрированъ политической ролью, которую удалось сыграть императрицѣ З о ѣ, совершенно невѣжественной и развращенной старухѣ, только потому, что она была дочерью К о н с т а н т и н а VIII. Но оставался въ силѣ тотъ фактъ, что хотя отецъ и неизмѣнно возводилъ своего старшаго сына, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и младшихъ, въ санъ августа, все-таки сынъ становился императоромъ въ силу воли своего отца, но не въ силу рожденія. Императоръ никоимъ образомъ не былъ обязанъ сдѣлать наслѣдникомъ своего сына [1]). Теперь я предлагаю обратить ваше вниманіе на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда царствующій государь назначалъ кого-либо вторымъ императоромъ, своего сына или кого-либо другого, выборовъ не происходило. Сенатъ, армія и народъ выражали свою радость и удовлетвореніе во время церемоній, сопровождавшихъ назначеніе, но самое назначеніе было всецѣло дѣломъ императора. Конституціонное значеніе этого факта очевидно: въ автократическія полномочія, данныя императору, включалось право передавать императорское достоинство другимъ. Это входило въ составъ его суверенитета имѣть власть назначить себѣ коллегу, который по власти былъ вторымъ государемъ. Различіе между назначеніемъ императора, когда престолъ является вакантнымъ, и назначеніемъ императора-коллеги, когда престолъ занятъ, ясно и знаменательно выра-

[1]) Этотъ принципъ былъ выдвинутъ А н д р о н и к о м ъ II, который стремился устранить своего внука—А н д р о н и к а III—отъ престола. Гражданскія войны, которыя вслѣдствіе этого произошли, съ конституціонной точки зрѣнія являются столкновеніемъ между этимъ принципомъ и идеей легитимности, къ которой византійцы очень привязались.

жается разницею между коронаціонными актами въ обоихъ случаяхъ: въ первомъ случаѣ актъ совершается представителемъ избирателей, почти всегда патріархомъ, во второмъ случаѣ онъ регулярно совершается царствующимъ императоромъ. Это онъ, владѣя нераздѣльно верховной властью, передаетъ императорское достоинство и поэтому своими собственными руками вручаетъ символическіе знаки этого достоинства. Правда, онъ иногда передаетъ обязанность совершить коронацію патріарху, но въ такомъ случаѣ патріархъ дѣйствуетъ просто, какъ его делегатъ [1]. Это различіе подтверждаетъ ту мысль, что патріархъ, осуществляя коронаціонныя обязанности, дѣйствуетъ, какъ представитель избирателей, а не церкви. Дѣйствительно, если бы коронація понималась, какъ религіозный актъ, она бы во всѣхъ случаяхъ совершалась главнымъ служителемъ церкви.

Соимператорство и автократія.

Но теперь вы можете спросить, строго ли приложимъ къ имперіи терминъ „автократія", либо терминъ „монархія"? Монархія и автократія означаютъ верховное правленіе одного человѣка, но, какъ мы только-что видѣли, императоръ обычно имѣлъ коллегу. И въ ранней и въ позднѣйшей имперіи постоянно бывало два императора, иногда больше. Въ десятомъ вѣкѣ, наприм., въ царствованіе Романа I ихъ было даже пять. Каждый изъ нихъ былъ августъ, каждый—василевсъ [2]. Этотъ порядокъ возникъ изъ первоначально-коллегіальнаго характера проконсульской и трибунской власти (imperium proconsulare, tribunitia potestas), на

---

1) Обычная форма выраженія такова: ἔστεψε διὰ τοῦ πατριάρχου (сравн. Θеофана, 417_{25}; 426_{27}; 480_{11}; 494_{26}). Болѣе точно сказано у Кедрина, II, 296: Романъ I былъ коронованъ патріархомъ ἐπιτροπῇ τοῦ βασιλέως Κωνσταντίνου (который былъ несовершеннолѣтнимъ). Въ нормальной церемоніи коронованія коллеги императора, описанной у Константина Порфиророднаго, de caerimoniis I, 38, патріархъ передаетъ корону въ руки императора, который возлагаетъ ее на голову новаго императора стр. 194)

2) Коллега императора часто обозначается, какъ ὁ δεύτερος βασιλεύς или какъ ὁ συμβασιλεύς (и мы можемъ предположить, что названіе Оттона II coimperator'омъ его отца заимствовано отсюда); если онъ ребенокъ, то онъ отличается обозначеніемъ „малый императоръ" (ὁ μικρὸς βασιλεύς), и этимъ безъ сомнѣнія объясняется, почему Θеодосій II называется ὁ μικρός: это названіе, прилагавшееся къ нему, когда онъ былъ малолѣтнимъ, пережило его юность, ибо оно служило для того, чтобы отличать его отъ его дѣда и тезки, Θеодосія Великаго. Въ одномъ случаѣ мы находимъ терминъ rex своеобразно приложеннымъ ко второму императору. Это имѣло мѣсто на бронзовой монетѣ 866—67 годовъ, когда Василій I былъ коллегой Михаила III. На лицевой сторонѣ значится Mihael impera(tor), на оборотѣ—Basilius rex (*Wroth* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins of the British Museum II, 432). Я не знаю, какъ объяснить эту исключительную особенность, которая стоитъ въ противорѣчіи со всѣми принципами римской власти. Западный титулъ Romanorum rex, который въ XI в. началъ усваиваться западными императорами, прежде чѣмъ они короновались въ Римѣ, и затѣмъ прилагался къ ихъ преемникамъ, не можетъ быть привлеченъ для сравненія съ упомянутымъ фактомъ.

которыхъ Августъ основывалъ свои полномочія. Но хотя римская императорская власть (imperium или βασιλεία) была коллегіальна, суверенитетъ былъ недѣлимъ. Когда имѣлось на лицо два императора, только одинъ осуществлялъ верховную власть и управлялъ государствомъ; его коллега былъ ему подчиненъ и только пользовался императорскими почестями, пребывая въ ожиданіи наслѣдства; хотя его имя появлялось въ законодательныхъ актахъ, а его изображеніе—на монетахъ, и хотя онъ пользовался всѣми императорскими почестями, онъ былъ только фиктивнымъ участникомъ власти. За однимъ исключеніемъ, которое я сейчасъ отмѣчу, единственные случаи осуществленія коллегами императора конкуррирующей верховной власти имѣли мѣсто въ эпоху отъ Діоклитіана до Юлія Непота, когда имперія была территоріально раздѣлена: напримѣръ, Діоклитіанъ и Максиміанъ, сыновья Константина, Аркадій и Гонорій были отдѣльными монархами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Но за исключеніемъ случаевъ территоріальнаго раздѣленія, верховная власть осуществлялась однимъ человѣкомъ, и поэтому монархія—правильное опредѣленіе государственнаго строя Византійской имперіи. Въ царствованіе Константина IV солдаты просили императора короновать и его двухъ братьевъ. „Мы вѣримъ въ Троицу“, кричали они, „и хотимъ имѣть трехъ императоровъ“. Но это заявленіе не должно быть истолковываемо, какъ требованіе того, чтобы каждый членъ вожделѣнной императорской троицы осуществлялъ верховную власть. Подобная коллективная верховная власть, кромѣ одного случая, никогда не была испытана на дѣлѣ, и ясное различіе устанавливалось между правящимъ василевсомъ и тѣмъ, который не правилъ. Исключеніе составилъ совершенно особенный случай двухъ императрицъ—Θеодоры и Зои, которыя совмѣстно правили короткое время въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Я вскорѣ упомяну объ этомъ случаѣ еще разъ, когда я буду говорить о положеніи императрицъ.

Титулы василевсъ автократоръ.

Здѣсь я долженъ остановиться ненадолго на титулѣ василевсъ и другомъ греческомъ титулѣ автократоръ, которые употреблялись для обозначенія императора. Въ древней имперіи слово василевсъ употреблялось на Востокѣ и особенно въ Египтѣ, гдѣ Августъ разсматривался, какъ преемникъ Птоломеевъ, но не было оффиціально употребляемо для обозначенія императора. Это греческое слово не соотвѣтствовало латинскому—императоръ. Греческое слово, принятое для перевода слова императоръ, было автократоръ, и этотъ терминъ всегда употреблялся на греческихъ императорскихъ надписяхъ. Съ IV вѣка слово василевсъ вошло во всеобщее употребленіе въ частяхъ имперіи, говорящихъ по гречески. Это былъ обычный терминъ, употребляемый греческими писателями; но онъ еще не былъ принятъ, какъ оффиціальный титулъ,

и оффиціально онъ былъ введенъ только въ VII столѣтіи, въ царствованіе Ираклія. Уже показано, [1]) что древнѣйшій оффиціальный актъ, въ которомъ императоръ титулуетъ себя василевсомъ, это законъ Ираклія 629 года; въ болѣе раннихъ грамотахъ своего царствованія онъ употребляетъ еще старый традиціонный титулъ—автократоръ. Правда, пока не удалось выяснить причину этой перемѣны въ стилѣ, но многозначащая дата—629 годъ—замѣняетъ всякое иное объясненіе. Въ этомъ году Ираклій закончилъ завоеваніе Персіи. Между тѣмъ, персидскій царь былъ единственнымъ иностраннымъ монархомъ, которому римскій императоръ соглашался дать титулъ василевса; былъ еще, правда, абиссинскій царь, но онъ едвали принимался въ расчетъ. Пока внѣ Римской имперіи существовалъ крупный независимый василевсъ, императоры воздерживались принимать титулъ, которымъ обладалъ другой монархъ. Но какъ только этотъ монархъ былъ низведенъ на положеніе зависимаго вассала и не было болѣе конкурренціи, императоръ отмѣтилъ это событіе, усвоивъ оффиціально тотъ титулъ, который въ теченіе столѣтій прилагался къ нему неоффиціально.

Имперія была очень консервативна въ формулахъ и обычаяхъ; медленно происходили измѣненія въ оффиціальныхъ документахъ, еще медленнѣе въ монетномъ чеканѣ. Только болѣе столѣтія спустя, монетный дворъ начинаетъ принимать слово василевсъ. Благодаря этой перемѣнѣ, василевсъ сталъ оффиціальнымъ эквивалентомъ императора; онъ занялъ мѣсто автократора, и стало возможно для слова „автократоръ“ вернуться къ собственному этимологическому значенію и выражать всю полноту этого значенія. Такъ, въ позднѣйшія времена мы находимъ сильно выраженную тенденцію прилагать этотъ терминъ спеціально къ тому василевсу, который былъ дѣйствительнымъ правителемъ. Хотя онъ и его коллега могли быть совмѣстно провозглашены автократорами, однако, слово автократоръ въ особенности употребляется для обозначенія полноты деспотической власти, которая была осуществляема однимъ лишь старшимъ императоромъ [2]). Такъ мы можемъ сказать, что въ древнія времена василевсъ былъ болѣе широкимъ титуломъ, выражавшимъ полноту монархической власти, которую система Августа

---

[1]) *L. Brehier* въ Byzantinische Zeitschrift 1906, XV, стр. 151 и сл.

[2]) Этотъ терминъ вошелъ въ оффиціальное употребленіе въ XI вѣкѣ, какъ усиленіе титула василевсъ (*βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ*), и въ латинскихъ дипломахъ его переводятъ терминомъ moderator, василевса же — imperator. Коллега императора могъ употреблять титулъ автократоръ только въ силу спеціальнаго разрѣшенія старшаго императора (Кодинъ, de officiis гл. 17, стр. 86—87). Но различіе опредѣлилось съ IX вѣка, ибо въ Kletorologion Филоѳея (ок. 900 г.) (у Constant. Porphyrogen. de caerimoniis стр. 712) мы находимъ терминъ *ὁ αὐτοκράτωρ βασιλεύς*, опредѣленно контрастирующимъ съ *ὁ δεύτερος βασιλεύς*.

имѣла въ виду скрыть, и автократоръ былъ просто эквивалентомъ республиканскаго титула — императоръ. Однако въ позднѣйшія времена значеніе обоихъ титуловъ стало обратнымъ, и автократоръ сталъ болѣе широкимъ титуломъ, выражающимъ полноту власти, которой уже не подчеркивалъ привычный „василевсъ".

Право женщинъ на престолъ.

Прежде чѣмъ мы оставимъ разсужденія объ этой части нашего предмета, необходимо сказать два слова о правѣ женщинъ осуществлять автократическую власть. Съ самаго основанія имперіи титулъ „августы" былъ даваемъ женамъ императоровъ, и въ древнія времена мы находимъ матерей несовершеннолѣтнихъ императоровъ, подобно, напр., Агриппинѣ и Юліи Домнѣ, осуществляющими политическую власть; но эта власть была всегда осуществляема отъ имени ихъ сыновей. Въ началѣ V вѣка августа Пульхерія стоитъ во главѣ регентства, дѣйствовавшаго отъ имени ея брата Θеодосія II, пока онъ былъ несовершеннолѣтнимъ. Послѣ его бездѣтной смерти было признано, что хотя она не можетъ управлять одна, она тѣмъ не менѣе имѣетъ право голоса при выборѣ новаго императора, и изъ затруднительнаго положенія нашли выходъ, путемъ номинальнаго ея брака съ Маркіаномъ. Подобнымъ же образомъ 40 лѣтъ спустя, когда Зинонъ умираетъ, не оставивъ сына, его жена—августа Аріадна, съ общаго согласія пользуется рѣшающимъ голосомъ при избраніи преемника ея мужа; ея выборъ падаетъ на Анастасія, и его избираютъ. Но не она передаетъ Анастасію императорскую власть: сенатъ и армія избираютъ его, согласно ея желаніямъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи политическое значеніе императрицъ возрастаетъ, благодаря исключительному положенію, занятому Θеодорой — супругой Юстиніана—и Софіей—супругой Юстина II. Но хотя императрица и можетъ дѣйствовать за несовершеннолѣтняго въ качествѣ регентши [1]), можетъ вмѣшиваться въ избраніе императора, можетъ пользоваться почестями, подчеркивающими, что она скорѣе коллега своего мужа-императора, чѣмъ его супруга, все-таки она никогда не осуществляетъ независимой верховной власти, никогда не бываетъ автократоромъ, въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Переходя къ концу VIII столѣтія, мы подходимъ къ императрицѣ Иринѣ, аѳинянкѣ, которая знаменита, какъ первая возстановительница иконопочитанія. Когда ея мужъ умеръ, ея сынъ Константинъ VI былъ слишкомъ молодъ, чтобы править, и она правила такимъ же образомъ, какъ Пульхерія за Θеодосія. Когда Константинъ достаточно подросъ, чтобы самому упра-

---

[1]) Если императоръ чувствовалъ приближеніе смерти, а его коллега былъ несовершеннолѣтнимъ, то онъ могъ сдѣлать распоряженіе по своему усмотрѣнію относительно регентства. Это, напр., сдѣлали Θеофилъ и Александръ.

влять, Ирина неохотно отступила на задній планъ, и хотя ея сынъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ ея преемникомъ, держа власть въ собственныхъ рукахъ, однако, она все время интриговала противъ него, и борьба кончилась ея торжествомъ. Ирина была причиной того, что сынъ ея былъ ослѣпленъ, и въ теченіе пяти лѣтъ она правила со всею полнотою верховной власти, какъ автократоръ. Это было значительнымъ конституціоннымъ новшествомъ, и оффиціальный стиль ея грамотъ любопытнымъ образомъ показываетъ, что это новшество дѣйствительно ощущалось, какъ таковое. Къ ней всегда обращались съ рѣчью, какъ къ императрицѣ, но въ оффиціальныхъ документахъ ее называли не „Ирина—императрица", а „Ирина—императоръ" (василевсъ) [1]. Чувствовалось, что только императоръ можетъ законодательствовать, и поэтому была въ законодательствѣ принята фикція, что она—мужчина.

Было сказано въ Западной Европѣ съ цѣлью оправдать притязанія Карла Великаго на императорство, что верховная власть въ имперіи не можетъ находиться въ рукахъ женщины, и что нахожденіе Ирины у власти—въ дѣйствительности междуцарствіе; но византійцы никогда не принимали этой конституціонной доктрины. Тѣмъ не менѣе, они серьезно возражали противъ правленія женщинъ, кромѣ, какъ въ качествѣ регентовъ, и прецедентъ, установленный Ириной, былъ повторенъ только въ случаѣ Зои и Ѳеодоры—двухъ племянницъ Василія II Болгаробойцы. Мы видимъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности осуществляетъ въ теченіе короткаго времени верховную власть; мы видимъ также, что онѣ правятъ совмѣстно. Это тотъ примѣръ, о которомъ я выше упоминалъ: опытъ правленія при помощи двухъ автократоровъ. Ихъ совмѣстное правленіе могло быть продолжено, если бы онѣ находились въ согласіи; но Зоя очень завидовала Ѳеодорѣ и, съ цѣлью устранить ее, взяла себѣ супруга, который тотчасъ усвоилъ самодержавную власть, и Зоя вернулась къ подчиненному положенію супруги.

Природа и объемъ императорской власти.

Мы можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію природы и объема императорскаго верховенства. Актъ провозглашенія вручалъ верховную власть императору. Въ прежнее время императорскія полномочія были точно опредѣлены закономъ, именно lex de imperio. Мы имѣемъ текстъ закона, касавшагося Веспасіана. Но обычай возобновленія этого закона при вступленіи на престолъ новаго императора прекратился, и при

[1]) *Zachariae v. Lingenthal:* Jus Graeco-romanum III, 55 Εἰρήνη πιστὸς βασιλεύς) Объ этомъ обстоятельствѣ сообщаетъ Хроника Ѳеофана (стр. 464 изд. *de Boor*). Константинъ VI побуждаетъ солдатъ ѳемы Арменіакъ присягнуть на томъ, чтобы не принимать его мать Ирину εἰς βασιλέα. Позднѣйшій смыслъ термина αὐτοκράτωρ является въ томъ же отрывкѣ Ѳеофана (I. 15).

наличности автократіи, когда вся законодательная, судебная и исполнительная власть находится въ рукахъ автократора, не было основанія опредѣлять, чѣмъ же собственно была эта власть. Въ VI столѣтіи, однако, въ законодательствѣ Юстиніана было признано, что въ силу lex de imperio народъ перенесъ свою верховную власть на императора. Въ VIII столѣтіи и позднѣе мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что ни одинъ изъ императоровъ никогда не слыхалъ о lex de imperio [1]) И хотя не было никакихъ конституціонныхъ постановленій подобнаго рода, опредѣляющихъ или ограничивающихъ функціи монарха, я постараюсь показать, что его власть, закономъ не ограниченная, подвергалась ограниченіямъ, которыя должны быть опредѣлены, какъ конституціонныя.

За свои законодательные и административные акты монархъ не былъ отвѣтственъ ни передъ кѣмъ, кромѣ неба; въ государствѣ не было органа, имѣвшаго право его контролировать, такъ что его правленіе отвѣчаетъ нашему опредѣленію автократіи. Но когда монархъ назначается какимъ-либо политическимъ корпусомъ или корпусами государства, избиратели могутъ поставить ему условія во время избранія, и такимъ образомъ въ этомъ проявляется возможность ограниченія его власти. Другими словами, избирательная автократія, подобная Римской имперіи, соединима съ наложеніемъ ограниченій. Мы имѣемъ въ виду случай императора Анастасія I: сенатъ потребовалъ отъ него клятву въ томъ, что онъ будетъ править имперіей добросовѣстно и не причинять обидъ кому-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ столкновеніе. Этимъ выдвигается тотъ принципъ, который постоянно и главнымъ образомъ примѣнялся съ цѣлью не дать возможности императору вводить церковныя новшества.

Исповѣдывать христіанство и притомъ православіе всѣми признавалось необходимымъ условіемъ для того, чтобы имѣть право на занятіе престола. Послѣдній императоръ язычникъ былъ Юліанъ; послѣ него для язычника было бы дѣйствительно невозможно править въ Константинополѣ. Послѣ Константинопольскаго собора 381 г., осудившаго аріанскую ересь, стало невозможно для аріанина носить діадему. Это было опредѣленно признано въ связи съ обстоятельствами, наступившими послѣ смерти Θеодосія II. Наиболѣе выдающимся человѣкомъ въ это время былъ Аспаръ, но онъ

Вѣроисповѣданіе императора.

[1]) Въ этой связи, однако, необходимо отмѣтить замѣчательную мысль объ установленіи демократіи, приписанную императору Ставракію (811 г.) современнымъ хронистомъ Θеофаномъ (изд. *de Boor* стр. 492). Императоръ, будучи на смертномъ одрѣ, выразилъ желаніе имѣть преемницей свою супругу—аѳинянку Θеофанò родственницу Ирины), въ качествѣ суверенной императрицы. Онъ угрожалъ введеніемъ демократіи и ставилъ альтернативу: Θеофанò или демократія. Мы хотѣли бы знать, въ чемъ заключалась его идея демократіи.

былъ аріанинъ, и только поэтому его возвышеніе считалось невозможнымъ. До этого періода можно было сказать, что подобнаго рода вѣроисповѣдныя условія носили скорѣе политическій, чѣмъ конституціонный характеръ; съ того момента, когда коронаціонная церемонія стала сопровождаться религіозными формами, мы можемъ сказать, что христіанство стало разсматриваться, какъ конституціонное условіе для того, чтобы имѣть право быть избраннымъ на престолъ. Подъ религіозными формами я разумѣю не ту роль, которую игралъ патріархъ въ коронаціонномъ актѣ и которая, какъ мы видѣли, не имѣла церковнаго значенія, но другія части церемоніи, какъ напр., молитвы, введенныя въ V столѣтіи. Именно при вступленіи Анастасія I впервые было потребовано отъ императора исповѣданіе религіознаго направленія. Анастасія съ достаточнымъ основаніемъ подозрѣвали въ неправославіи; дѣйствительно, онъ былъ монофизитъ. Отъ него не потребовали личнаго исповѣданія вѣры, но по просьбѣ патріарха онъ подписалъ писанную клятву въ томъ, что онъ сохранитъ существующее церковное положеніе неприкосновеннымъ и не будетъ вводить новшествъ въ церковь. Мы не знаемъ, требовалось ли формально подобное писанное заявленіе при всѣхъ послѣдующихъ избраніяхъ; вѣроятно, нѣтъ; но мы знаемъ, что оно было взято въ цѣломъ рядѣ случаевъ, гдѣ была причина подозрѣвать новаго императора въ еретическихъ тенденціяхъ. Въ концѣ концовъ, мы не можемъ сказать, въ какое время это обыкновеніе закристаллизировалось въ правильную коронаціонную присягу, въ которой монархъ исповѣдуетъ и подтверждаетъ каноны семи вселенскихъ соборовъ и соборовъ помѣстныхъ, а также привилегіи церкви, обѣщаетъ быть кроткимъ правителемъ и воздерживаться, насколько возможно, отъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній [1]).

Ограниченія законодательной власти автократора.

Тотъ фактъ, что подобныя капитуляціонныя условія могли быть налагаемы и дѣйствительно налагались во время избранія императора, хотя обязательство императора подчиняться имъ и носило скорѣе моральный, чѣмъ легальный характеръ, указываетъ на то, что автократія могла быть ограничена и дѣйствительно подвергалась ограниченіямъ. Но независимо отъ опредѣленныхъ конституціонныхъ условій, власть монарха была ограничена неписанными принципами управленія, которые связывали его такъ же, какъ неписанная часть англійской конституціи связываетъ англійскаго короля и правительство. Автократоръ былъ верховнымъ законодателемъ; лично онъ былъ выше законовъ, solutus legibus [2]); не существовало такого трибунала, къ отвѣтственности передъ которымъ

---

1) Кодинъ, de officiis, гл. 17.
2) Digestae, I, 3, 31; Basilica, II, 6, 1.

онъ могъ быть привлеченъ; но онъ былъ связанъ принципами и формами права, которые составляли великую славу римской цивилизаціи [1]). Онъ могъ измѣнять законы, онъ могъ создавать новые законы; но ни для одного императора не составляло вопроса обязательство сообразовать свои дѣйствія съ закономъ, и ни одинъ императоръ не осмѣливался утверждать, что онъ можетъ устранить законъ. Теоретически стоя выше закона, онъ въ то же время былъ связанъ имъ, legibus alligatus, какъ опредѣленно признаетъ Θеодосій II [2]). Василій I въ своемъ законодательномъ руководствѣ опредѣленно утверждаетъ обязанность императора держаться не только Св. Писанія и каноновъ семи соборовъ, но также и римскихъ законовъ. А законами опредѣлялись учрежденія. Хотя измѣняющіяся обстоятельства вели къ приспособленіямъ и колебаніямъ, однако, византійскій консерватизмъ, который почти вошелъ въ пословицу и часто преувеличивается, свидѣтельствуетъ о силѣ неписанныхъ ограниченій, которыя всегда суживали императорское самодержавіе.

Контрольныя функціи сената.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ, хотя и не принималъ участія въ верховной власти, могъ осуществлять контрольныя функціи, параллельныя дѣйствіямъ государя. Ибо существовали различные политическіе вопросы, которые императоръ, въ силу обычая, обязанъ былъ представлять на разсмотрѣніе сената. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы перечислить, въ чемъ заключались эти вопросы, но среди самыхъ важныхъ, были вопросы о войнѣ и мирѣ и заключеніе договоровъ. Сенатъ послушно повиновался видамъ суроваго государя, и вѣроятно его собранія носили большею частью чисто формальный характеръ; но многозначителенъ тотъ фактъ, что при слабомъ императорѣ (Михаилѣ I) мы находимъ, что сенатъ становится въ оппозицію желаніямъ автократора, и автократоръ склоняется къ его мнѣніямъ [3]).

---

[1]) Basilica, II 6, 9: καὶ κατὰ βασιλέως οἱ γενικοὶ κρατείτωσαν νόμοι καὶ πᾶσα παράνομος ἐκβαλλέσθω ἀντιγραφή. Значеніе lex generalis (коротко говоря, эдикта, опубликованнаго, какъ имѣющаго силу во всей имперіи) объяснено ib. 8, на основаніи Cod. Just. I, 14, 3. Императоръ не могъ издать спеціальнаго постановленія для какой-либо части государства, области или города, которое бы противорѣчило опредѣленіямъ какой-либо lex generalis.

[2]) Cod. Just. I. 14. 4: digna vox maiestate regnantis legibus alligatum se principem profiteri: adeo de auctoritate iuris nostra pendet auctoritas.

[3]) Эти функціи сената, кажется, близко схожи съ функціями синедріона въ эллинистическихъ государствахъ. Ср. разсказъ о собраніи синедріона Антіоха у Поливія V, 41, 42. Слѣдуетъ отмѣтить, что во время малолѣтства императора, послѣ смерти Романа II, именно сенатъ назначаетъ Никифора II главнокомандующимъ азіатскими войсками (Левъ Діаконъ, II 12). Значеніе сената уясняется, благодаря мѣрѣ, принятой Константиномъ X, который „демократизировалъ“ сенатъ; см. Пселлъ, Исторія, стр. 238 (изд. *Sathas* 1899) *C. Neumann*, Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen (стр. 79). Очерки по исторіи Византіи под. ред. проф. *Бенешевича* (I, стр. 119).

Церковь и императорская власть.

Естественно вытекаетъ изъ сказаннаго мною и то, что церковь представляла собою ограниченіе императорской власти. Вплоть до IX столѣтія каноны семи вселенскихъ соборовъ были неизмѣннымъ закономъ, котораго ни одинъ императоръ не могъ касаться [1]. Но въ то же самое время отношеніе государства къ церкви, о которомъ я хочу теперь говорить, подчеркиваетъ широту его власти. Византійская церковь—наиболѣе замѣчательный въ исторіи примѣръ государственной церкви. Ея главой былъ императоръ. Его разсматривали, какъ Божьяго намѣстника въ сферѣ, включавшей какъ церковный, такъ и свѣтскій порядокъ вещей. Константинопольскій патріархъ былъ его министромъ по части религіи, и хотя обычныя формы епископскаго избранія и были соблюдаемы, патріархъ въ дѣйствительности назначался императоромъ. Именно императоръ созывалъ вселенскіе соборы и императоръ же предсѣдательствовалъ на нихъ или лично, или же, если онъ не выносилъ скуки богословскихъ преній, черезъ своего представителя, какого-либо свѣтскаго министра [2]. Каноническія постановленія, прошедшія на соборахъ, не становились обязательными, пока они не были утверждены императоромъ; и императоры издавали эдикты и законы относительно чисто церковныхъ дѣлъ, совершенно независимо отъ соборовъ. Патріархъ Мина утверждалъ въ царствованіе Юстиніана, что ничто не можетъ дѣлаться въ церкви вопреки волѣ императора, и Юстиніанъ, который былъ воплощеніемъ сацердотальной монархіи, былъ провозглашенъ первосвященникомъ-василевсомъ ἀρχιερεὺς βασιλεύς. Правда, что протестующіе голоса выдающихся церковниковъ поднимались время отъ времени, громко заявляя, что церковныя дѣла лежатъ внѣ сферы компетенціи свѣтской власти, и взывали къ полной свободѣ церкви, но эта идея, послѣднимъ защитникомъ которой былъ Θеодоръ Студитъ, никогда не пустила корней; она потерпѣла окончательное крушеніе въ IX вѣкѣ, и императоръ продолжалъ занимать положеніе христіанскаго халифа. Такимъ образомъ, теорія отношеній церкви и государства въ Восточной имперіи замѣчательно контрастируетъ съ той теоріей, которая была осуществлена въ Западной Европѣ при Иннокентіи III. Въ обоихъ случаяхъ церковь и государство нераздѣльны, но на Западѣ церковь является государствомъ, въ то время какъ на

[1]) Этотъ принципъ былъ только-что установленъ Юстиніаномъ по отношенію къ четыремъ первымъ соборамъ, каноны которыхъ онъ ставитъ на одинъ уровень со Св. Писаніемъ; Novella 151 α′, ed. *Zachariae* II стр. 267.

[2]) Лучшій обзоръ отношеній церкви и государства въ Византіи см. въ статьѣ покойнаго профессора *Гельцера* въ Historische Zeitschrift neue Folge L. стр. 193 и сл. (1901). На седьмомъ вселенскомъ соборѣ 787 года предсѣдательство было поручено патріарху Тарасію вѣроятно потому, что онъ ранѣе былъ свѣтскимъ человѣкомъ и министромъ, а не монахомъ, какъ большинство его предшественниковъ.

Востокѣ церковь является организаціей, руководимой императоромъ. На Западѣ мы имѣемъ теократію: церковь, представленная папой, стремится обладать верховной властью и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ. На Востокѣ дѣло обстоитъ обратно: вмѣсто теократіи, мы имѣемъ то, что было названо цезарепапизмомъ. Одинъ писатель-паписть, который ставитъ себѣ задачей показать вселенское верховенство папы, замѣчаетъ, что въ смыслѣ судебно-законодательной власти, свѣтскій человѣкъ можетъ быть папою; всѣ права, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, могутъ быть переданы ему путемъ избранія [1]). Эта гипотеза Августина Тріумфа была осуществлена въ Восточной имперіи.

Случайныя столкновенія между императоромъ и патріархомъ просходили обыкновенно на почвѣ покушеній императора ввести въ область вѣры изъ политическихъ видовъ какія-нибудь новыя доктрины, которыя патріархъ считалъ несоотвѣтствующими канонамъ соборовъ или Св. Писанію. Въ такихъ случаяхъ патріархъ защищалъ конституцію церкви противъ нововведеній; онъ не оспаривалъ положенія императора, какъ главы церкви. И въ такихъ случаяхъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ было то, что патріархъ либо сдавался, либо подвергался низложенію. Императоръ шелъ своей дорогой, и православная доктрина не возстановлялась до тѣхъ поръ, пока другой императоръ не отмѣнялъ постановленія своего предшественника. Нѣкоторые патріархи могли подчеркивать, что императоръ, не будучи свѣдущъ въ богословіи, не можетъ вмѣшиваться въ вопросы доктрины; но обычныя отношенія большею частью принимались, какъ основныя и конституціонныя.

Патріархъ обладалъ дѣйствительно однимъ бичемъ, которымъ онъ могъ дѣйствовать противъ государя: бичемъ отлученія. Онъ могъ самъ отказать и велѣть своему духовенству отказать императору въ церковномъ общеніи. Это былъ бичъ, къ которому рѣдко прибѣгали. Другой способъ проявить власть, которымъ обладалъ патріархъ, коренился въ томъ участіи, которое патріархъ принималъ въ коронаціи. Патріархъ могъ заключить съ новымъ императоромъ условіе прежде, чѣмъ его короновать. Такимъ образомъ, патріархъ Поліевктъ заставилъ Іоанна Цимисхія согласиться на отмѣну закона, требовавшаго императорскаго одобренія кандидатовъ на церковныя должности прежде ихъ избранія.

Теорія и практика императорской власти.

Конституціонная теорія, которую я набросалъ, заключалась въ тѣхъ дѣйствительныхъ обычаяхъ, на основаніи которыхъ я ее изобразилъ; но она никогда не была формулирована. Конститу-

[1]) Augustinus Triumphus: Summa de potestate Ecclesiastica, I. 1, стр. 2, изд. 1584 (Roma): si quis eligatur in Papam nullum ordinem habens, erit verus Papa et habebit omnem potestatem jurisdictionis in spiritualibus et temporalibus et tamen nullam habebit potestatem ordinis.

ціонные вопросы не возникали, и ни одинъ законовѣдъ и историкъ не выяснялъ основы или границъ верховной власти. На дѣлѣ основа государственнаго устройства не выдѣлялась въ человѣческомъ сознаніи изо всей массы законовъ и учрежденій. Они не анализировали теоретической предпосылки, заключавшейся въ ихъ практикѣ, и единственная идея, которой они держались и которую можно опредѣлить, какъ конституціонную теорію, не соотвѣтствуетъ теоріи, которую я изобразилъ, хотя и можетъ быть согласована съ нею. И еслибы вы спросили византійскаго императора, какова основа его автократіи и въ силу какого права онъ осуществляетъ свою власть, онъ не сказалъ бы вамъ, что она передана ему сенатомъ, арміей или народомъ: онъ сказалъ бы, что его верховная власть непосредственно исходитъ отъ Бога. Я могъ бы привести рядъ очень ясныхъ данныхъ для подтвержденія этого взгляда, но будетъ достаточно сослаться на слова императора Василія I въ его наставленіи сыну Льву: „ты получилъ имперію отъ Бога"; „ты получилъ корону отъ Бога моею рукой" [1]). Такая доктрина монаршаго божественнаго права естественно клонилась къ тому, чтобы выразить новое значеніе, придававшееся той роли, которую игралъ патріархъ въ возведеніи императора на престолъ. Но она находила точное символическое выраженіе въ новомъ обычаѣ мvропомазанія, которое, быть можетъ, стало практиковаться (впрочемъ мнѣнія на этотъ счетъ разногласятъ) [2]) не ранѣе IX столѣтія. Коронуя, патріархъ выражалъ волю государства, совершая мvропомазаніе,—волю Божества. Эта теорія, логически развитая, заключаетъ въ себѣ взглядъ, который Данте выражаетъ въ своей De monarchia, а именно, что избиратели, когда они выбираютъ, подаютъ свой голосъ не за своего, но за Божьяго избранника. Эта теорія была въ совершенномъ согласіи съ господствующими религіозными чувствами; она возвышала авторитетъ императора, представляя его власть, какъ Божій даръ, и, быть можетъ, иногда повышала его чувство отвѣтственности. Но хотя и разсчитанная на то, чтобы поставить монарха выше критики, эта теорія божественнаго права не приводила къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ современная конституціонная традиція, опредѣляющая значеніе императоровъ и ограниченіе ихъ власти. Ея главный интересъ покоится въ ея отношеніи къ политическимъ теоріямъ, которыя были развиты въ Западной Европѣ въ средніе вѣка. Джемсъ Брайсъ указалъ [3]) на бьющій въ глаза контрастъ между Восточной

---

[1]) Paraenesis ad Leonem, въ *Migne*, Patr. Graeca, CVII, стр. XXV, XXXII.

[2]) См. Фотій въ *Migne*, Patr. Graeca, CII, 765 и 573. Ср. *Sickel*, op. cit. 547—8, и съ другой стороны *Brightman*, op. cit. 383—5.

[3]) The Holy Roman Empire (посл. изд. 1909 г.) стр. 343 и сл. (русск. переводъ „Священная Римская Имперія" Москва, 1891).

и Западной имперіями, заключающійся въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время, какъ на Западѣ была богатая почва для концепцій и теорій, въ которыхъ широко разыгрывалось творческое воображеніе, на Востокѣ люди совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы теоретизировать насчетъ имперіи. Вдохновеніе на Западѣ проистекало, во-первыхъ, изъ того факта, что Священная Римская Имперія была всегда идеаломъ, никогда неосуществленнымъ вполнѣ, „мечтой" (употребляя слова Брайса), „наполовину богословіемъ, наполовину поэзіей". Восточная Римская имперія, съ другой стороны, была всегда дѣйствительнымъ фактомъ, адэкватнымъ понятію о немъ: она дѣйствительно существовала, не могло быть сомнѣнія относительно ея бытія въ данномъ мѣстѣ и въ данное время; много было въ ней такого, что вызывало гордость, ничего такого, что плѣняло бы воображеніе. Во-вторыхъ, не было нужды въ Восточной имперіи развивать теоріи, ибо ничто не являлось предметомъ спора. На Западѣ возникъ важный конституціонный вопросъ, вопросъ широкаго практическаго значенія, касающійся взаимоотношеній двухъ соперничающихъ властей — папы и императора. Именно съ цѣлью разрѣшить политическую проблему, выдвинутую ихъ противорѣчащими притязаніями, Данте написалъ свою De monarchia, Оккамъ — свой Dialogus, Марсилій Падуанскій — своего Defensor pacis. На Востокѣ этого вопроса не возникало, поскольку императоръ признавался главою церкви, и поэтому не было повода къ тому, чтобы развивать политическія теоріи. Однако, если бы подобная проблема или нужда возникла, я увѣренъ, что средневѣковые греки, хотя бы они и были неспособны произвести кого-нибудь вродѣ Данте, показали бы себя не менѣе изобрѣтательными въ политическихъ разсужденіяхъ, чѣмъ западные мыслители. Но поучительно наблюдать тотъ фактъ, что стремленіе восточныхъ императоровъ вывести свою верховную власть непосредственно отъ Бога, есть не что иное, какъ та самая теорія божественнаго права, которую выводили западные писатели-имперіалисты. Данте проводилъ эту теорію наиболѣе энергично; Оккамъ и Марсилій тоже ее утверждали, но они смягчали ее взглядомъ, въ силу коего имперія первоначально произошла отъ народа, и такимъ образомъ комбинировали притязанія на божеское происхожденіе власти позднѣйшихъ константинопольскихъ автократоровъ съ утверждаемымъ въ законодательствѣ Юстиніана демократическимъ происхожденіемъ верховной власти.

Существо Византійской императорской власти.

Я пытался показать, что автократія позднѣйшей Римской имперіи была ограниченной автократіей. Каждая автократія, каждая форма правленія имѣетъ, конечно, естественныя ограниченія. Дѣятельность монарха ограничена общественнымъ мнѣніемъ. Всегда

существуютъ грани, за которыя онъ боится перейти, презирая общественное мнѣніе. Власть его также ограничена въ томъ отношеніи, что онъ долженъ пользоваться, какъ орудіемъ, людьми, личные виды и качества которыхъ могутъ измѣнять или компрометтировать исполненіе воли императора или ей противорѣчить. Далѣе, если онъ управляетъ высоко-организованнымъ обществомъ, онъ можетъ быть удержанъ отъ принятія какихъ-либо мѣръ тѣмъ, что знаетъ, что подобныя перемѣны могутъ повести къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ не желаетъ [1]). Эти естественныя ограниченія распространяются на всѣ автократіи, на всѣ формы правленія, тѣмъ или инымъ образомъ, или въ той или иной мѣрѣ. Но независимо отъ нихъ восточно-римская автократія была точнымъ образомъ ограничена, и эти ограниченія должны быть опредѣлены, какъ конституціонныя [2]). При томъ государственномъ строѣ, который неправильно называется ограниченной монархіей, король можетъ имѣть законныя права, осуществлять которыя было бы неконституціоннымъ поступкомъ. Дѣятельность англійской короны, напр., не только ограничена постановленіями статутовъ, именно, билля о правахъ и закономъ о престолонаслѣдіи, но и неписанными конституціонными обычаями, которые безусловно обязательны. Тѣмъ же путемъ дѣятельность восточно-римскаго автократора была ограничена традиціями и обычаями, которые признавались безусловно обязательными и имъ самимъ и обществомъ. Въ обоихъ случаяхъ санкція различна. Англійскій король не можетъ выйти изъ предѣловъ конституціи въ проявленіи своей власти, благодаря власти парламента привести управленіе въ состояніе застоя, а это послѣдній можетъ сдѣлать, отказавъ въ ассигнованіяхъ или въ одобреніи закона. Болѣе могучій восточно-римскій монархъ былъ вынужденъ сообразоваться съ учрежденіями, обычаями и традиціями своего общества, подъ угрозой, правда, менѣе дѣйствительной, быть низложеннымъ въ случаѣ ихъ нарушенія. Петръ Великій уничтожилъ патріаршество въ Москвѣ; было-бы невозможно восточно-римскому императору упразднить патріаршество въ Константинополѣ или вообще внести какую-либо серьезную перемѣну въ организацію церкви. Неприкосновенность церкви была обезпечена отъ его посягательствъ не только ея моральной силой, но и капитуляціонными условіями, на которыхъ онъ долженъ былъ, въ силу избирательнаго характера монархіи, присягать при своемъ вступленіи на престолъ, и которыя, въ концѣ концовъ, находили свое

---

[1]) Это обстоятельство отмѣчено *Сиджвикомъ*: Development of European Polity, стр. 10.

[2]) Анализъ понятія неконституціонный въ отличіе отъ незаконный см. у *Austin'a* op. cit. стр. 265 и сл.

выраженіе въ коронаціонной клятвѣ. Такимъ образомъ, здѣсь присоединялась еще и религіозная санкція.

Ограниченія имѣли тенденцію поддерживать консервативный характеръ, за который нерѣдко упрекаютъ Византію, и были на дѣлѣ однимъ изъ послѣдствій этого консерватизма. Они были дѣйствительны, потому что самъ автократоръ былъ обыкновенно глубоко проникнутъ этимъ консервативнымъ духомъ, будучи сыномъ своего времени и своей цивилизаціи; между тѣмъ, какъ сложная и выработавшаяся машина, подготовлявшая путь для его дѣятельности, была могущественнымъ препятствіемъ для его свободы. Слѣдуетъ, я думаю, допустить, что автократія Восточной имперіи слѣдовала за данными условіями и, вѣроятно, дѣйствовала лучше, чѣмъ какая-либо другая система, которая допускала дѣленіе власти. Правительство не отличалось произволомъ и зло, отъ котораго страдали подданные имперіи, происходило (помимо несчастій войны) отъ экономическаго невѣжества и дурной постановки финансовъ, какія вообще преобладали повсюду въ древности и въ средніе вѣка, и тяжело ложилось бы на населеніе и при всякой другой формѣ правленія. Свобода и отсутствіе формальностей въ порядкѣ назначенія государя дѣлали возможнымъ наступленіе различныхъ условій различнымъ путемъ; если мы разсмотримъ весь рядъ императоровъ, отъ Константина Великаго въ IV вѣкѣ, до Мануила Комнина въ XII вѣкѣ, мы должны признать, что конституція обезпечила, за немногими мрачными, но, правда, короткими промежутками, послѣдовательную смѣну даровитыхъ и работящихъ правителей, такихъ, подобныхъ которымъ, я думаю, нельзя найти въ лѣтописяхъ любого другого государства за столь долгій періодъ времени.

00067541
ЮФ СПбГУ

